

ГЕЛЕВЕРА ЕВА

ИН ТЕР ВЬЮ

18+

"А ЧТО, ТАК МОЖНО БЫЛО?!"

Гелевера Ева
ИНТЕРВЬЮ

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ева Г.

ИНТЕРВЬЮ / Г. Ева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ОСТОРОЖНО! Эта новелла может разозлить вас или привести в дикий восторг. Неважно, на какой стороне вы окажетесь, в голове будет звучать один вопрос: «А ЧТО, ТАК МОЖНО БЫЛО?!». 2021 год. Известный молодой интервьюер приезжает в дом восходящей звезды литературного мира. Адрес места съёмки она держит в строгом секрете. Объект его исследования — эксцентричная женщина средних лет. Он сразу подмечает её необычную манеру шутить и страсть к социальным экспериментам. По ходу интервью вы узнаете, как героиня из охотницы за акциями в «Пятёрочке» превратилась в писательницу с миллионными гонорарами в топовых издательствах мира. «Но что-то не так» – вам тоже так кажется? И не напрасно! «Интервью» обернётся совсем не тем, чем казалось вначале.

© Ева Г., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Гелевера Ева

ИНТЕРВЬЮ

Часть 1

– Итак, где мы сейчас находимся?

– Это мой дом.

Действительно – дом. Ничего общего с шиком российских загородных коттеджей. Минималистичный скандинавский интерьер. Белые стены украшены тенями и бликами уличных растений. Передняя часть просторной гостиной не стена вовсе, а одно большое окно. Конец лета две тысячи двадцать первого года.

Свет выставлен, но в середине дня в нём нет необходимости. В доме так светло, как редко бывает в профессиональной студии. Атмосфера будто пропитана тайной и каким-то пьянящим одиночеством. Эта женщина, Ева, прежде чем усесться в кресло, по-деревенски укрытое вязаным пледом, бродила по комнате, разглядывала полки с книгами, будто видела их впервые, проводила рукой по гладким бугоркам спатириллума в массивных плетёных горшках.

Помимо неё, в помещении осматривались журналист и оператор. Они только что подписали документы, что-то вроде райдера: вопросы, которые не следует задавать, имена, которые не стоит называть, предупреждение о неразглашении места съёмки.

Интервьюер, высокий молодой мужчина в полосатой футболке и торчащих из-под коротких штанов разноцветных носках, был возбуждён и почти с детским любопытством смотрел на объект своего исследования. Невзирая на статус и популярность, он привык к простому обращению и представлялся просто – Боря. Ибо всегда и везде старался быть своим в доску.

Позже запись будет смонтирована в двухчасовой видеоролик для популярного канала на YouTube. Появятся вставки с цитатами и фотоматериалами, отбивки с западающей в душу музыкой и, конечно, реклама – кормилица блогеров. А пока это просто рабочая запись на три камеры: общий план, интервьюер, гость.

Боря выдохнул в сторону, снимая напряжение и хлопнул в ладоши:

– Поехали. Ева, ты феномен современной литературы. По-моему, на сегодняшний день в России нет ни одного образованного человека, которой бы не прочитал или хотя бы не слышал о твоей книге. Её переводят и публикуют издательства по всему миру, – интервьюер неторопливо выговаривал каждое слово, усиливая голос на одних и затихая на других так, чтобы ни у кого не возникло сомнения в важности произносимых фраз.

Ева довольно шурилась, наблюдая, как молодой человек чеканит заготовку.

– Вышедшая полгода назад книга шокировала общественность. Ты рассказала настолько правдоподобную, но при этом максимально жуткую историю, что я уверен, у многих сложилось впечатление, будто это описание реальных событий твоей жизни. Лично меня потрясла концовка, в которой ты меняешь правила игры и бросаешь читателя в зыбкую неизвестность. Это было сделано специально?

– Да.

– Зачем? – воскликнул Боря звенящим от негодования голосом.

– Потому что моя книга не должна стать использованным презервативом.

Журналист улыбнулся половинкой рта. Ему нравилось, когда ответы – как выпавшие из гнезда птенцы: и сердце разрывается, и тронуть нельзя. Он дал фразе время растечься по сознанию и снова бросился в бой:

– Мы не должны получить в конце разрядку, ты это имеешь в виду?

– Именно. Это история, после которой нельзя просто покурить и расслабиться. Последняя фраза должна вызвать желание открыть первую страницу, чтобы переосмыслить её, зная финальный поворот. Она должна забирать покой, а не дарить его.

Ева сказала это так беззлобно, как говорят дети, не понимающие смысла ругательств. В безразмерном тёмно-сером балахоне почти до колен и узких чёрных джинсах она была похожа на плюшевую британскую кошку, правда, не пышную, а костлявую. Будто сфинкс снял шкуру с британки и накинул на себя в знак триумфа. Медно-русые волосы были затянуты в пучок у основания длинной шеи. На лбу две неглубокие, но хорошо различимые полосы – единственное, что выдавало её настоящий возраст. Взгляд яркий, пугающий. Такой бывает, когда радужная оболочка светлая с тёмной окантовкой. Кажется, что обладатель подобных глаз, либо слеп, либо безумен. Босые ноги, словно отдельное существо, улеглись в безмятежном изяществе рядом с хозяйкой.

Боря сидел, выпрямив спину в струну.

– Заранее прошу прощения за этот вопрос. Описываемое в книге реально происходило с тобой или с кем-то, кого ты знаешь?

Ева надула губы в немом упреке. Выждав секунд пять, пояснила для зрителей:

– Я не могу дать ответ на этот вопрос согласно документам, которые мы подписали до начала съёмки.

Интервьюер развёл руками, типа «я должен был попытаться».

– Знаешь, что сделало тебя суперизвестной, помимо самой книги?

– Что?

– Попытка общественников привлечь тебя к уголовной ответственности по фактам преступлений, описанных в художественном произведении. Это настоящая революция! Ева, ты понимаешь, насколько ты крутая?!

– Знал бы ты, как меня это рассмешило.

– Ты ожидала такой реакции?

– Я допускала разные варианты развития событий.

С заговорщицкими смешинками на губах они пристально смотрели друг на друга. Ева поджала ноги под себя, обхватив руками колени. Боря вытянул обе конечности вперёд, сложив одна на другую, и принялся раскручивать телефон, который по обыкновению не выпускал из рук.

– Многим, и мне в том числе, не даёт покоя вопрос: откуда ты взялась? Тебе же сейчас около сорока, если я не ошибаюсь?

– Мне сорок четыре. Взялась я из материнской утробы, надеюсь, как и все присутствующие.

– Почему сейчас? Где ты была столько времени? О тебе вообще ничего нет. Гугл не выдаёт ни одной ссылки.

– Слушай, я обычный человек, с чего бы гуглу знать обо мне.

Ева пожалала плечами и поёрзала, будто что-то искала в недрах поглотившего её кресла. Она подняла взгляд на оператора, и он решил, что та хочет пить. Бутылка с водой стояла на маленьком столике рядом с ним. Бросок, и в кадр влетела пластиковая тара, промелькнув солнечным зайчиком, и исчезла за креслом. Ева ловко перегнулась через спинку и дотянулась до перелетевшего снаряда, но пить не стала.

– Ева, ты понимаешь, что это интервью посмотрят миллионы людей? Такого ажиотажа вокруг одного человека не было уже давно. Всем хочется знать, почему ты так долго ждала, прежде чем заявить миру о себе.

– Следующий вопрос.

Тишину пронзали взгляды, по драматургии превосходящие дрожание стрелок на городских часах в момент, когда грубые, но ловкие пальцы нависали над кобурой револьвера.

– Что происходило в твоей жизни до всего этого? Ты писала? Или занималась другими вещами, не догадываясь о своём таланте?

– Нет никакого таланта.

Боря раздосадовано опрокинулся в кресло.

– Ты написала хужевещь, которая с первого до последнего слова разрывает как снаряд. У меня при чтении чуть не началась паническая атака.

– А талант тут при чём? Никогда не была талантливой. Я просто хитрая.

– Прости, а в чём хитрость? – парень нахмурился.

– В самоконтроле.

Боря приложил указательный и средний палец к губам и в задумчивости свёл брови, отчего складка над переносицей ещё отчётливее разрезала лицо надвое.

– Ты помнишь, как и когда идея книги пришла тебе в голову?

– Да. Это случилось четвёртого ноября две тысячи десятого года. В восемнадцать двадцать две.

– Ничего себе, ты помнишь день и время?! – на лице парня с неприличной откровенностью слились удивление и восхищение, создавая эффект глупой улыбки.

– В тот момент в моей жизни многое встало на свои места. Я не просто придумала сюжет книги, я увидела, как и когда напишу её. А также всё, что будет этому предшествовать.

– Ты типа заглянула в будущее? – интервьюер ещё больше выпрямился и повёл плечами, подняв руки с телефоном на уровень груди.

– Нет, конечно! Я его сочинила. Но я не поставила на паузу настоящее, просто заморозила мысли о творчестве, ненужные сомнения, чувство неудовлетворённости, зависть. Зачем терзаться ими, если знаешь, когда всё случится?

– Блин, это же было одиннадцать лет назад! Неужели за это время ничего не поменялось?

– Всё поменялось, но это ожидаемо, ведь мы умеем прогнозировать с учётом изменений.

– Мы?

– Ну да, мы – люди.

– Но так могут не все. Интервьюер ошарашенно смотрел на собеседницу. – То есть ты решила сначала вырастить детей, а потом писать и издавать книги? – в голосе парня чувствовалось сомнение.

– Да, нужно было освободиться от шума.

– Что ты имеешь в виду?

– Работа, окружение, быт, информационный поток, жужжание времени в голове.

Боря понимающе кивал, но на последней фразе встрепенулся:

– Прости, что значит «жужжание времени в голове»?

– Ты планируешь день?

– Конечно.

– А бывало такое, что ты просыпался без будильника в одно и то же время?

– Ну да, мне кажется, у всех такое бывает.

– Так вот у меня есть теория, что большинство людей умеют чувствовать время интуитивно, словно в нас запрограммирован таймер. Мы знаем, что за чем следует и сколько времени занимает. Нам не приходится куда-то подсматривать, время уже записано на подкорке. Мы не замечаем, но процессор, который обрабатывает подобную информацию, гудит, как трансформаторная будка. Этот гул ведёт наше бессознательное, не позволяет выпрыгнуть из колеи, мешает создавать что-то по-настоящему ценное.

Парень с недоверием смотрел на Еву. Не дожидаясь возражений, она продолжила:

– Чтобы добиться полной тишины, мне нужно полностью разорвать связь с близкими людьми.

Существует убеждение, что всегда приходится чем-то жертвовать во имя успеха. Любой выдающийся человек мог бы часами перечислять подобные примеры.

Я подумала, а почему бы не сделать ставку на опровержение этой теории. Ведь надломить краешек незыблемой системы – это в каком-то смысле тоже свершение. Согласись, круто личным примером доказать, что можно не поступаться своими интересами и достигать цели.

Боря выпятил нижнюю губу в одобрителном согласии.

– Наступило время, когда границы условностей стали такими тонкими, что из процесса их испаривания можно создать новый вид искусства. В тот момент я остро это почувствовала.

– Я не до конца понимаю. Предположим, если бы ты решила не ждать одиннадцать лет, что было бы по-другому?

– Помимо чувства вины, которым бы я себя извела?

– Вины за что?

– Я бы хотела суметь правильно ответить на этот вопрос, – женщина покачала головой и опустила взгляд. Но, словно найдя нужные слова на полу, продолжила:

– Наверное, это заложено в подсознании – испытывать чувство вины, когда у тебя что-то получается лучше других. Это не поддаётся рациональному объяснению, просто нас так учили: удовольствие и стыд связаны прочной нитью.

Боря ждал, не скажет ли она ещё что-то. Ева молчала.

– Получается, ты сделала выбор между детьми и карьерой в пользу детей.

– Я сделала выбор между стандартной схемой самопожертвования и экспериментом.

Обновление должно происходить не только в сознании, но и в реальности: то есть мне нужен был переезд и полная смена деятельности. Я могу заниматься творчеством только при условии полной самоликвидации из произвольного сценария. Чистота мысли невозможна без осознанности, осознанность несовместима с бытовухой.

Боря задумчиво покручивал кольцо на безымянном пальце.

– Послушай, мои дети родились у конкретной мамы, которую они знают и любят. Я просто позволила этой маме закончить начатое: воспитать их и выпустить в жизнь относительно полноценными личностями.

– Почему относительно? – Боря удивлённо приподнял брови.

– Потому что совершенства не бывает, особенно в воспитании. Понимаешь, я была обыкновенной мамашей с повышенной тревожностью. В пределах допустимого я травмировала детей, как каждая мать. Я просто не обманывалась иллюзией, что у меня будет не так, как у всех. Поэтому получились нормальные дети, которые выросли в адекватных людей. Чуть более адекватных, чем я, если уж на то пошло, – рассмеялась Ева.

– Сейчас они живут отдельно?

– Да, год назад мы отпустили друг друга в свободное плавание.

– Это обоюдное решение?

– Да, мы это много раз обсуждали. Таков был уговор.

– Волшебное, – торопливо проговорил журналист, – они не испытывают дискомфорта, оттого что их мама стала настолько популярной?

– Они сейчас активно реализуются в выбранных направлениях, почему у меня должно быть иначе?

– Извини, но я всё-таки дожду эту тему, потому что уверен, у зрителей, так же, как у меня, не всё состыковалось. Объясни, почему нельзя совмещать осознанный путь к успеху с воспитанием детей? Многие же строят карьеру, совмещая её с успешным родительством. Тут появляешься ты и рассказываешь, что подождать одиннадцать лет не такая уж большая плата. Для большинства людей – большая! К тому же мы делаем это не только ради собственных амбиций, но и чтобы обеспечивать детей. Так почему не объединить эти два прекрасных занятия?

– Слушай, ты уже несколько раз сказал слово «карьеря», которое не имеет ничего общего с тем, что происходит со мной. Это первое. Второе: кто сказал, что обеспечивать детей – значит быть богатым, знаменитым или востребованным? Мы с мужем нормально зарабатывали. Дети ни в чём не нуждались. Кстати, даже во времена, когда я покупала продукты по акции в «Пятёрочке», я регулярно оказывала адресную помощь нуждающимся, пересылала небольшие суммы или гуманитарную помощь.

Да мы не жили в шикарной квартире в центре Москвы, не ездили на «Лексусе», не завтракали в ресторанах, но мы имели возможность покупать самое необходимое, иногда баловать себя дорогими подарками или поездками. К тому же, согласись, амбиции родителей не имеют ценности для детей. Возможность проводить время вместе – вот самая дорогая для них игрушка.

– Ты чувствовала себя счастливой все эти годы?

– Это правильный вопрос, Боря, – Ева сверкнула чуть влажными глазами. Было видно, что разговор её взволновал и, возможно, немного рассердил. – После ноября две тысячи десятого года – да. Меня словно отпустило, тревога ушла. До этого момента – нет. Прежде я постоянно боролась со временем и несовершенством, впадая в отчаяние от невозможности соответствовать идеальным представлениям о семье. Знаешь эту картинку из рекламы: все улыбаются, спокойно занимаются общим делом? У нас такого практически не бывало. Дети бесились, мы злились, орали друг на друга, пытались спрятаться в телефонах. Мы жили вчетвером в однушке за МКАД. Спальная комната выглядела как многоуровневая клетка для грызунов. Несмотря на это, в сознании крепко обосновалась убеждённость что у нас всё в порядке, что люди живут гораздо хуже. Мы видели это «хуже» и знали о нём не понаслышке.

– Вот! Этого я не понимаю, неужели не хотелось выбраться из клетки? Ты могла бы писать и продвигать творчество. Я понимаю, что неизвестные авторы получают не так много. Иногда и совсем ничего. Но тут ведь главное – начать, а если есть талант, он выведет тебя наверх. Уверен, родные бы тебя поддержали.

– Может, тогда я просто ещё не доросла. У меня было необъяснимое чувство, что если я выберу путь творческой реализации, то упущу больше, чем приобрету.

– Ну ведь так у всех! Всем страшно, но мы делаем это ради детей, пускай иногда в ущерб времени, проведённому вместе. Они вырастут и поймут.

– Ничего мы ради детей не делаем. Ничего такого, что имело бы для них значение. И нет, они не поймут. Они просто позаимствуют эту модель поведения.

Парень умолк, обдумывая, ничего ли он не упускает такого, что перечеркнёт его дальнейшие аргументы. Затем продолжил:

– Тебе не кажется, что всё это звучит, как будто ты решила не рисковать, потому что чувствовала неуверенность в себе. Есть масса примеров, когда молодые ребята, не откладывая, берут и делают классные проекты. Даже если какие-то обстоятельства мешают этому.

– Ты прав.

Боря притих, пытаясь понять, в чём подвох.

– Я хочу, чтобы ты услышал меня правильно. Ты и те, кто рассуждают, как ты. Вы видите только негатив плёнки, а я готовую фотографию. Я не пожертвовала, как вы выражаетесь, «карьерой» ради детей. Наоборот, у меня получилось благодаря тому, что я тогда осознала невозможность добиться успеха, не пройдя путь счастливой, спокойной мамы-домохозяйки. Всю жизнь я куда-то торопилась, боялась не успеть и металась от одной идеи к другой, но это не сделало меня счастливой. И мне было до слёз обидно, что все мои усилия сводятся к тому, что дети видят уставшую маму, по вечерам заливающую неудовлетворённость вином.

Вот представь: у тебя адски болит голова. Ты уже всё перепробовал, а боль не проходит. Ты просто живёшь с ней изо дня в день, стараясь делать минимальный набор вещей, который от тебя требуется. Но в один миг волшебным образом туман рассеивается, и яркие тёплые лучи

облизывают тебя, унося боль. Боли больше нет. Она растворилась в понимании, ошеломительной уверенности, что страдать больше не надо. Эксперимент заключался не в результате, а в пути.

Боря смотрел на Еву недоумённо, но в лице больше не было негодования. Казалось, его подхватило течение мыслей и вынесло куда-то далеко. Лишь утихший голос собеседницы оборвал его размышления.

– Слушая твой рассказ, я понял, что у меня возникает чувство неполноценности. Как будто я пытаюсь усидеть на двух стульях. Типа, если у меня успешная карьера, то я плохой отец. Это же не так!

– Блин, вот она сакральная проблема тревожного человека – всё примерять на себя. Я никому не предлагаю следовать по моим стопам, просто рассказываю то, что произошло со мной. Не потому, что считаю, правильно поступать так и ни как иначе, а потому, что так случилось. И это сработало. Я никого ни к чему не призываю, ведь эксперимент – вещь субъективная, должно быть учтено множество факторов.

Боря многозначительно улыбнулся, давая понять, что хоть в споре и рождается истина, но у каждого она своя.

– Твои дети, чем они сейчас занимаются?

– Каждый своим делом.

– Не можешь рассказывать?

– Ну почему же, Майя работает в научно-исследовательском институте. Она геолог по образованию, с детства обожала камни, только и говорила о полезных ископаемых. Миру семнадцать, он тикток-блогер. Недавно уехал в Беларусь, у него там девушка.

Замешательство журналиста вылилось в характерное подёргивание нижней частью туловища, словно ему вдруг стало неудобно в кресле. Он уселся, замер и только затем спросил:

– Нравится то, что делает твой сын?

– Да, он молодец. Это соответствует его возрасту и интересам.

– Ты сидишь в тиктоке? Как тебе эта площадка?

– Обычная площадка для самовыражения подростков. Логичное продолжение всего, что было до этого. Она работает, двигает маркетинговые массы. Все довольны, почему нет.

– В Беларуси безопасно?

– Думаю, лучше, чем год назад.

– Ты не волнуешься за сына? Несмотря на произошедшие изменения, система ещё довольно-таки нестабильна.

– Я бы волновалась, если бы узнала, что с ним что-то произошло, а он мне об этом не сообщил, не попросил о помощи. Понимаешь, я не лезу к детям с советами, где и как им жить, поэтому они не испытывают потребности скрывать от меня что-либо.

– Звучит слишком уж идеалистично. У меня тоже сын и дочка, которые вот-вот станут подростками. Не представляю, как к этому подготовиться, – сконфуженно засмеялся Боря.

– Нужно принять, что дети лучше знают, что им нужно. Понимаю, это кажется иррациональным, просто надо смириться.

Мы, взрослые, так часто говорим о свободе, но как будто не до конца понимаем, что это. Мы рассматриваем её как нечто, что можно получить, выполнив определённые условия. Но ведь тогда это уже не свобода. Разве нет?

– Похоже на правду, – заулыбался интервьюер.

– К тому же с чего ты решил, что любое место, которое посоветуем мы, безопаснее того, что он выберет сам. В России безопаснее, чем в Беларуси?

– Не знаю. Ты как считаешь?

– Нет, конечно. Думаю, всё зависит от конкретных людей, которые его окружают.

– Ты никогда не думала написать что-то для родителей? Типа принципов успешного воспитания. Такие книги сейчас в топе.

– О нет! – Ева рассмеялась. – Не вижу в этом смысла. Зачем засорять информационное пространство ещё большим количеством советов. Люди всё равно будут поступать по-своему.

– Это могло бы кому-то помочь. Давай так, раз ты не хочешь писать об этом, сможешь сейчас дать несколько рекомендаций исходя из твоего опыта? Назовём их: «Как воспитать ребёнка, за которого не будет страшно».

– Ну давай попробуем.

Писательница помолчала.

– Первое. Не учите своё чадо подстраиваться под взрослых. Если для окружающих ребёнок «неудобный», у него есть все шансы вырасти счастливым человеком. Второе. Научите его задавать вопросы самому себе: как я себя чувствую? и чего мне сейчас хочется? А главное – действительно ли мне это нужно? Речь не идёт о вседозволенности и следовании только своим интересам. Личные желания не должны наносить вред окружающим, – это закон. Но эти вопросы воспитывают самоконтроль и критичность мышления.

Ну и третье. Наверное, самое банальное: любить и поддерживать, что бы ни случилось. Некоторым кажется, что это просто, и мне так раньше казалось. Сейчас я понимаю, как непросто любить ребёнка безусловно, особенно в среднем школьном возрасте.

– Это с четвёртого по восьмой класс?

– Плюс-минус.

– Почему именно в это время?

– Может быть, так было только у нас, но мне кажется, что в этот период начали ломаться все механизмы взаимоотношений. Путём проб и ошибок я выяснила, как избежать катастрофы: нужно расслабиться и не вскрывать никому мозг. Всё налаживается чуть позже при условии, что авторитет не будет безвозвратно утерян бесконечным ором и запретами.

Боря помолчал. Затем поменял положение нижних конечностей так, что кроссовок одной ноги удобно разместился на колене второй и продолжил:

– Ты назвала точный день и время, когда решила, как будешь действовать. Почему ты их запомнила? Что тогда случилось?

– Ничего. Я ехала за рулём, сзади в автокреслах бесновалась малышня.

– Что-то должно было стать триггером.

Ева пожала плечами.

– У меня раньше такое часто бывало. Словно включается другой режим восприятия. Что угодно может спровоцировать подобные, назовём их «встряски»: музыка, услышанные или прочитанные слова, погодные условия, пожилая узбечка, проезжающая мимо на велосипеде. Ты вдруг видишь реальность без фильтров стереотипов. Не уродливой и отталкивающей, а непостижимой, завораживающей. В такие моменты я обожаю наблюдать за людьми. Мне кажется, будто на миг становлюсь ими, понимаю, каково это – быть замёрзшей студенткой на остановке с сигаретой в руках или распухшим от плохого кофе водителем грузовика. Чувство исключительного принятия такое зыбкое, хочется удержать его. Но оно быстро проходит, а после остаётся ощущение, будто летний ветерок облепил лицо, руки и остался на тебе, забыв, куда летел.

Когда была моложе, я думала, что за очередной встряской должны следовать перемены, но потом поняла, что так жизнь говорит со мной – и отвечать необязательно. Но в тот пасмурный ноябрьский день, когда небо, словно кольчуга викинга, тяжёлым пологом опустилось на грязные дороги, внезапный ослепительный свет распотрошил облака и упал на угрюмые лица людей, вызывая жгучее желание поблагодарить кого-то незримого.

Внутренний голос монотонно забубнил о том, что время, так или иначе, вынесет меня на тот берег, где я стремлюсь оказаться. По щелчку в голове исчезли страх и тревога.

Так что не было в моём поступке никакой жертвенности. Просто расчётливый договор с собой, позволивший не изводиться ожиданиями.

Парень востепенел, будто отгоняя назойливую мысль.

– Идея книги появилась уже тогда?

– Да.

– А написана она была примерно год назад?

– Примерно, да.

– Во время самоизоляции?

– И да, и нет.

– Это как?

– Я бы хотела рассказать эту историю целиком, не вырывая из контекста.

Ева закинула сцепленные пальцами руки за шею. Потом заговорила, отвечая, казалось, на собственный вопрос:

– Мой план касался не только отсрочки. Я поняла, что творческие люди делятся на две категории: те, кто делает вид, что не стремится к известности, и те, кто хочет славы так, что жопа горит.

При этом у вторых как будто два пути: пытаться сотворить нечто уникальное или подражать. Я поняла, что ни тот, ни другой вариант не приведёт меня к желаемому. Но вот их симбиоз! Я заставила себя захотеть именно той славы, о которой грезят одни, при этом пользоваться принципами других. Кажется просто, да?

– Вроде да, – неуверенно отозвался Боря.

– Между ними пропасть. Это всё равно, что быть Путиным и Навальным одновременно.

Собеседник прыснул, опустив взгляд в пол и качнув головой, словно болванчик под лобовым стеклом.

– О них мы поговорим чуть позже. И как ты преодолела эту пропасть?

– Распланировала всё до мелочей и начала осуществлять, когда настало время. Минимум эмоций, максимум готовности.

– То есть популярность, свалившаяся после выхода книги, не стала для тебя сюрпризом?

– Конечно. Кстати, в детстве я мечтала о признании. Рисовала себя в пышном платье на сцене под светом прожекторов. Тогда мне казалось, что это когда на тебя все смотрят. Но к двадцати жизнь меня так пожевала, что хотелось только одного – стать незаметной. Я никого не трогаю, и вы меня не задевайте. Ты хоть представляешь, как это страшно – хотеть признания?! Сознаться в этом себе и окружающим.

Помню, как часто в голове звучал голос воображаемого интервьюера. Он задавал вопросы, на которые я мечтала ответить: о детстве и юности, из какого дерьма я выбралась и чего мне это стоило. Я как будто всю жизнь готовилась к нашей встрече, но сейчас вдруг всё забыла и принялась отвечать не по сценарию. Забавно, не находишь?

Ева бросила короткий многозначительный взгляд на журналиста, и его чуть заметно передёрнуло. Боря натянуто улыбнулся.

– Ты часто вспоминаешь место, где выросла? Родителей?

– Да, но эти воспоминания словно тревожный сон. Удивительно, как далеко человек может уйти от того места, где всё началось. Я сейчас говорю, и у меня мурашки по коже. Я хорошо помню посёлок, улицу и коммунальную квартиру. Помню, как они менялись, взрослея со мной. Наверное, окажись сейчас там, меня парализовал бы ужас от нищеты и несоответствия моим воспоминаниям.

– Расскажи несколько самых ярких?

– Большая газовая печь, которая посеребрённым углом заваливалась в комнату. От неё был такой запах... – Ева потёрла подушечками указательного и большого пальцев, словно что-то крошит, – горячий запах пыли, но при этом такой свежий, возбуждающий. Сложно передать.

Парень повёл носом, будто пытался его уловить.

– Банные вечера... Ванна стояла прямо на кухне, задёрнутая целлофановой шторкой. Нас было четверо, купались по двое за раз, а мама расплывчатым силуэтом шуршала чем-то на плите, готовила. Запах мыла смешивался с запахом ужина.

– Ты часто бываешь в своём родном городе?

– Вообще не бываю, у меня там никого не осталось. Я человек без места, которое принято называть «отчим домом». Но я бы хотела оказаться там снова, прикоснуться к стенам, которые впитали мои детские страхи. Увидеть те улицы и дворы, поросшие мальвой. Не сейчас – спустя годы, а тогда – когда детство было жизнью, а не болючим комком в груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.